

Почаевская Успенская Лавра

въ концѣ іюля 1855 года.

Болѣе 26^{лѣтъ} тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ іюля 1855 г., я имѣлъ случай впервые быть въ почаевской успенской Лаврѣ, и хочу здѣсь рассказать, въ какомъ видѣ я нашелъ ее и какое впечатлѣніе она произвела на меня тогда—24 года безъ малаго по обращеніи ея, въ октябрѣ 1831 г., изъ униі въ православіе и 16 лѣтъ послѣ общаго воссоединенія униатовъ западно-русскаго края въ 1839 г. съ древне-русскимъ православіемъ. Къ сожалѣнію, я, по обстоятельствамъ, могъ пробыть въ Лаврѣ только очень короткое время, не болѣе 4-хъ сутокъ. За то, дорожа временемъ, я каждый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, присутствуя на всѣхъ церковныхъ службахъ, въ промежуткахъ между ними обозрѣвалъ всѣ свѣтыни, примѣчательности и рѣдкости лавры (которыхъ нашелъ не мало), а по вечерамъ знакомился съ исторіей ея, съ древнѣйшихъ временъ, изъ нѣкоторыхъ книгъ и рукописей лаврской библіотеки. Такимъ образомъ, не смотря на краткость пребыванія моего въ Лаврѣ, я успѣлъ достаточно ознакомиться съ ея исторіей и современнымъ положеніемъ. Полной, печатной исторіи ея тогда еще не было: она появилась лишь 23 года послѣ того—въ 1878 г., бывъ составлена намѣстникомъ лавры, архимандритомъ *Амвросіемъ*, по подлиннымъ документамъ, хранящимся въ лаврскомъ архивѣ, и напечатана въ лаврской типографіи, подъ заглавіемъ: „Сказаніе о почаевской успенской Лаврѣ“. По этому „Сказанію“ я провѣрилъ мои воспоминанія 1855 года, и предлагаю ихъ здѣсь въ краткомъ изложеніи. Но предварительно не могу отказать себѣ въ удовольствіи посвятить нѣсколько строкъ историческому и благодатному волынскому краю, по которому я про-

ѣхалъ съ крайняго востока до крайняго запада—отъ Житомира до Почаева и обратно. Я бывалъ въ немъ, зналъ и полюбилъ его и прежде, теперь съ истинно отраднымъ чувствомъ снова увидѣлъ его и насладился его красотою. Дѣйствительно—чудный край, вмѣстѣ съ кievскимъ—колыбель древней Руси, и до-исторической, и языческой, и христiанской,—край, пропeдiный чрезъ многовѣковыя историческія невзгоды, природою же надѣленный обильными дарами и красотою.

Изъ Житомира въ Лавру (300 верстъ) я ѣхалъ по большой почтовой дорогѣ чрезъ Новгородъ-Волынской на р. Случѣ, Острогъ на р. Горыни и Кременецъ на ручей въ 5 верстахъ отъ р. Пkвы. Все это города, основаніе которыхъ относится къ глубокой древности, и въ каждомъ слѣды первыхъ временъ христiанства въ Россіи. Въ Луцкѣ же и Владимірѣ (которыя, къ сожалѣнію, лежали въ сторонѣ отъ моего пути), въ особенности, еще доселѣ остаются слѣды ревности равноапостольнаго в. к. Владиміра къ созиданію церквей. А въ Кременцѣ, Почаевѣ и ихъ окрестностяхъ сохраняются и слѣды перваго пещернаго отшельничества, даже болѣе ранняго, кажется, нежели кievо-печерское¹⁾.

Отъ Житомира до Острога я ѣхалъ по средней части Волыни—равнинной, живописной, плодородной и хорошо населенной. Но съ поворотомъ на югъ къ Острогу и далѣе къ Кременцу—въ юго-западную часть края, характеръ мѣстности измѣняется, постепенно становясь болѣе и болѣе гористымъ и живописнымъ. Здѣсь край прорѣзывается съ сѣверо-запада на юго-востокъ отраслью Карпатскихъ горъ, достигающихъ въ иныхъ мѣстахъ до 190 сажень и болѣе, а у Кременца, высшаго пункта—даже 1328 ф. надъ поверхностью моря. Здѣсь плотность населенія, множество рѣкъ, рѣчекъ, горныхъ ручьевъ, высокихъ холмовъ и горныхъ грядъ, поросшихъ разнообразнымъ и роскошнымъ лиственнымъ, болѣею частью дубовымъ, лѣсомъ—придаютъ мѣстности необыкновенно живописный характеръ²⁾. Кременецъ, особенно, лежитъ въ самой возвышенной и живописной мѣстности, въ глубокомъ горномъ ущельѣ горы, высящихся по ту и другую сторону, то уступами (по правую

¹⁾ Церк. ист. Никокетiя, отд. II, стр. 99.

²⁾ *Столянский*: Девять губерній западно-русскаго края. Сиб. 1866 г.

сторону), то отдѣльными высотами (по лѣвую). Не даромъ Кременецъ-Волинскій носить это названіе, происходящее отъ слова „кремень“, подобно тому, какъ Каменецъ-Подольскій—отъ слова „камень“: какъ первый сооруженъ на кремнѣ, такъ и второй на камнѣ—высокой каменной горѣ. И что за древность Кременца!—основаніе его относить еще къ VIII вѣку по Р. Х., а принадлежность его — славянскому племени дубовѣ — Въ XIII вѣкѣ онъ прославился своею неприступностью и отраженіемъ осады Батия— въ 1241 г. и татарскаго полководца Куремсы въ 1255 г. Нынѣ, на уступѣ правыхъ нагорныхъ высотъ, расположено обширное каменное зданіе волинской духовной семинаріи, до осени 1831 года служившее помѣщеніемъ столь извѣстнаго кременецкаго лицея или польско-іезуитскаго коллегіума. А на средней изъ лѣвыхъ, нагорныхъ высотъ хорошо сохранились развалины каменныхъ: замка и башенъ, сооруженныхъ польскою королевой *Богой*, построившею множество такихъ крѣпостей въ Польшѣ. Самый городъ расположенъ улицей вдоль ущелья.

Отъ Кременца до Лавры (24 версты) дорога пролегаетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ по равнинной, отчасти холмистой, и очень живописной мѣстности, среди роскошной лѣсной растительности. За 4 версты до Лавры, по обѣ стороны дороги — густой лиственный лѣсъ; съ приближеніемъ къ Лаврѣ онъ рѣдѣетъ и занемъ начинается лаврская роща, состоящая большею частию изъ вѣковыхъ дубовъ. Лѣсъ и роща еще скрываютъ видъ Лавры; но пройдя чрезъ расположенное у подножья почаяевской горы, съ трехъ сторонъ, м. Новый-Почаевъ (м. Старый-Почаевъ лежитъ въ 3 верстахъ къ юго-западу), при поворотѣ на право въ поперечную аллею старыхъ и высокихъ деревьевъ—Лавра открывается, во всей своей красѣ, на вершинѣ почаяевской горы, вышиною до 35 сажень. Аллеей, идущей въ гору, въѣзжаемъ въ св. ворота лаврской ограды, и тотчасъ по въѣздѣ въ нихъ, на лѣво—каменный, 2-хъ-этажный архіерейскій домъ, а на право—каменная-же, одно-этажная гостинница съ открытою галлерей — балкономъ, откуда прекраснѣйшій видъ на окрестности и кременецкія горы. Въ ней я и остановился, и прежде всего посѣтивъ пребывавшаго тогда въ Лаврѣ, священно-архимандрита ея, варшавскаго и волинскаго архіепископа *Арсенія* (съ 1858 г. митрополита кievскаго, умершаго въ 1876 г.),

я поспѣшили въ соборъ Успенія Божіей Матери, поклониться тремъ главнымъ святынямъ его: стопѣ Божіей Матери и чудотворной почаевской иконѣ ея—въ самомъ соборѣ, а внизу его, въ цѣлцной церкви св. великомученицы Варвары — мощамъ св. препод. *Іова*, игумена почаевской обители, почившаго 28 октября 1651 г., за 69 лѣтъ до окончательнаго завладѣнія ею базилиановъ-уніатовъ въ 1720 г.

Лаврскій успенскій соборъ поразилъ меня своими: громадностью, красотою и величественнымъ видомъ, снаружи и внутри, своею особенною, смѣлою и прочною архитектурой въ итальянскомъ стилѣ польско-католическихъ церковныхъ построекъ 2-й половины XVIII вѣка. Онъ стоитъ на самомъ утесѣ горы, возвышающейся до 35 сажени надъ окрестною поверхностью земли. Предъ входомъ въ него съ „южной“ стороны (алтарь онъ построилъ на сѣверѣ)—съ трехъ сторонъ площадка, огражденная на краю глубокаго каменнаго обрыва желѣзною рѣшеткой. Когда обратитесь къ югу, съ нея открывается предъ вами великолѣпный видъ на широкую долину, ограниченную съ юга, на границѣ восточной Галиціи, на разстояніи 8 верстъ отъ Лавры, горными высотами, на которыхъ, къ юго-западу, видна уніатская обитель, постройкою своею весьма похожая на почаевскую (о ней скажу ниже). Южный фасадъ собора образуютъ 2 выдающіяся, четверугольными, высокія башни по 5 этажахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго карнизами и къ верху суживающихся. Между башнями—4 колонны съ капителями коринтскаго ордена, а между 2-мя средними колоннами — главная, южная входная дверь въ соборъ, по каменной лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней. Надъ дверью—полуовальное окно съ разноцвѣтною рѣшеткой, на которой желѣзными цифрами означенъ „1771“ годъ построенія собора. Надъ карнизомъ 1-го этажа фронтона—икона успенія Божіей Матери. За башнями—фронтонъ самой церкви: въ немъ большое окно, сверху его — Всевидящее Око, а на самомъ верху—крестъ, по обѣ стороны котораго 6-ть высѣченныхъ изъ камня урнъ. Въ нижнемъ ярусѣ башень—восточныя и западныя входныя двери въ церковь. Наконецъ въ 4-мъ ярусѣ правой, восточной башни—боевые часы. Стѣны собора снаружи украшены пилястрами съ коринтскими капителями, высѣченными изъ дикаго камня. Все зданіе собора увѣнчано высокими (выше башень), 8-ми

граннымъ куполомъ, виднымъ за 40 и болѣе верстъ. Внутри соборъ имѣетъ престообразную форму, образуемую продольными и поперечными столбами. Въ 1855 г. внутреннее устройство собора уже было обращено изъ униатскаго въ православное: боковые престолы уничтожены, исключая 1-го отъ входа съ юга, съ правой стороны, обращеннаго въ иконостасъ со спискомъ съ чудотворной иконы почаевской Божіей Матери и съ другими иконами; подъ доскою-же, служившею униатскимъ престоломъ, находилось круглое отверстіе надъ стопою Божіей Матери, всегда наполненною до края чистою, ключевою водою, никогда не изсякающею. Богомольцы черпаютъ ее, пьютъ и уносятъ съ собою въ небольшихъ стеклянчкахъ за лаврскою печатью. Во взятыхъ мною и полученныхъ позже такихъ стеклянчкахъ вода болѣе 10 — 15 лѣтъ сохранялась неповрежденною, чистою и свѣжею. Но передъ главнымъ алтаремъ еще находился низкій, одноярусный иконостасъ, со старыми, неизящными мѣстными иконами. Поверхъ его видна была надъ горнимъ мѣстомъ въ алтарѣ, въ богато-украшенномъ ніотѣ, чудотворная почаевская икона Божіей Матери, въ вѣнцѣ на подобіе царской діадемы, украшенномъ драгоценными каменьями, и держащей младенца Иисуса на лѣвой рукѣ; — внизу-же иконы была изображена почаевская гора и на вершинѣ ея—стопа Божіей Матери. Икону эту, подобно кіево-печерской, спускали внизъ на снуркахъ для поклоненія ей и служенія передъ нею молебствій. Списки съ этой иконы, въ маломъ видѣ, приготовлялись въ лаврской иконописной мастерской и продавались богомольцамъ. По сторонамъ собора, въ боковыхъ галлерейхъ, я, къ немалому моему удивленію, видѣлъ сохранившіеся еще униатскіе „конфессіоналы“. Почему они тутъ оставались—24 года послѣ отобранія монастыря отъ базилианъ—было непостижимо для меня. Видѣлъ я еще и другіе остатки униатскихъ и католическихъ обычаевъ, напримѣръ: женщинъ простаго званія, лежавшихъ на помостѣ *крестомъ* (по польски „krzyżem“), т. е. на груди, распростерши руки въ обѣ стороны, а также—исповѣдь, если не въ конфессіоналѣ, то подъ эпитрахилью духовника *) (почему и затѣять—не знаю).

*) Обычай этотъ общій во всемъ юго-западномъ краѣ и отнюдь не униатскій. *Ред.*

Подъ соборомъ, внизу, у восточной стороны, находилась небольшая пенсерная церковь во имя св. великомученицы Варвары, существовавшая еще прежде сооруженія собора. Пенсерною она называется потому, что съ сѣверной стороны ея находилась пещера, въ которой, въ полукруглой нишѣ, въ ракъ на вскрытіи покоились мощи св. преп. Іова, всенародно и торжественно открытыя 28 августа 1833 г., въ тотъ самый день, въ который за 174 года передъ тѣмъ (въ 1659 г.) они были вынуты изъ земли кievскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ.

На первой вечернѣ въ соборѣ, въ день моего прибытія, меня очень удивило то, что чтецы и пѣвцы изъ послушниковъ были не въ подрясникахъ, а *въ сырыхъ сюртукахъ и холщевой нижней одеждѣ въ сапоги!*—точно деревенскіе дьячки *). Мнѣ показалось это очень страннымъ и не совсѣмъ приличнымъ. Но очередные іеромонахи и іеродіаконъ служили по чину. Наканунѣ 1-го августа всенощная служба была совершена во всемъ по чину, какъ слѣдовало. А на другой день позднюю обѣдню въ соборѣ совершалъ соборно и очень торжественно преосвященный *Арсеній*; въ присутствіи множества народа, напоявшаго соборъ, большою частию мѣщанъ и крестьянъ обоихъ половъ, въ праздничныхъ одеждахъ. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ для освященія воды, причемъ преосвященный *Арсеній*, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и съ кропиломъ въ правой, окроплялъ св. водою большіе пучки хлѣбныхъ и иныхъ растений и полевыхъ цвѣтовъ, которые держали въ рукахъ крестьянки, стоявшія шпалерами отъ амвона до кожныхъ входныхъ дверей. Это старинный, жѣсткій, народный обычай.

Въ первые 3 дня передъ тѣмъ, между церковными службами въ соборѣ, обозрѣвая особенныя примѣчательности и рѣдкости, хранившіяся въ лаврѣ, я нашелъ въ нихъ очень много любопытнаго. Посѣтивъ наѣстника лавры, архимандрита *Неофита*, въ его покояхъ, я увидѣлъ въ нихъ, въ экранѣ передъ печью, живописный портретъ отступника отъ православія на флорентійскомъ соборѣ и

*) Если-бы строго держаться обычая вселенской и нашей церкви до Никона, то и священники должны ходить въ одеждѣ мірянъ и только для богослуженія надѣвать одежду церковную.—*Ред.*

изложеннаго за то въ Москвѣ митрополита *Несидора*, бѣжавшаго послѣ того въ Римъ и получившаго отъ папы красныя кардинальскія: шапку и мантию. Въ нихъ онъ и былъ изображенъ на этомъ любопытномъ портретѣ. На замѣчаніе мое, что такой исторической рѣдкости слѣдовало-бы находиться въ музеѣ или библіотекѣ Лавры, намѣстникъ, улыбаясь, возразилъ, что „изображенію вѣроотступника, заслужившаго кару вѣчнаго огня, приличное мѣсто—именно передъ вѣчными огнемъ!“ Осматривая потомъ лаврскую библіотеку, не приведенную еще тогда въ должный порядокъ, я получилъ изъ нея, для ознакомленія съ исторіей почаевской обители, 3 старопечатныя книги и 1 рукопись (о которыхъ скажу подробнѣе ниже). А въ одной кладовой, въ которой хранились разныя вещи, я увидѣлъ за перегородкой развѣшанные на стѣнѣ весьма любопытные и замѣчательные, живописные портреты: *Николая Номонокіаю*, старосты каневского и соорудителя въ 1771 г. каменныхъ: собора и зданій монастыря,—и супруговъ *Теодора* и *Еввы Доминевскихъ*, соорудившихъ въ немъ, въ 1649 г., новую и большую каменную церковь во имя св. Троицы. Эти портреты привлекли особенное вниманіе мое. На портретѣ *Николая Номонокіаю*, послѣдній изображенъ во весь ростъ, почти въ натуральную величину, въ богатомъ польскомъ, полу-украинскомъ нарядѣ—кунтушѣ съ закинутыми насадъ рукавами, опоясанномъ широкимъ шалевымъ поясомъ, съ заткнутыми за нимъ пистолетами, съ турецкою саблей при боку, въ широкихъ шароварахъ и красныхъ сапогахъ. Большой бритый лобъ, съ *оселедцомъ* на макушкѣ, правильныя черты продолговатаго овала лица, длинныя усы, бритый подбородокъ, умный, но энергическій и суровый взоръ, гордая осанка—съ пераго же взгляда живо изображали этого оригинальнаго человѣка, столь извѣстнаго своимъ: буйнымъ, неукротимымъ нравомъ, причудами, жестокостью, распутствомъ, но и богатствомъ, и щедростью. Предо мною какъ-бы живой стоялъ этотъ своеобразный типъ тогдашнихъ польскихъ и украинскихъ феодаловъ!

Рядомъ съ его портретомъ находился не менѣе любопытный портретъ супруговъ *Доминевскихъ*, во весь ростъ, писанный на холстѣ. *Теодоръ Доминевскій* былъ изображенъ старикомъ высокаго роста, съ сѣдыми бородою и усами, и съ волосами на головѣ, остриженными въ кружокъ, въ одеждѣ болѣе греческой или молдавской,

чѣмъ польской. Нижняя одежда—въ видѣ подрясника темно-голубаго цвѣта, а верхняя — въ видѣ греческой полу-ряски съ короткими рукавами, обшитой по краямъ и выкзу золотымъ шнуркомъ и застегнутой до пояса продолговатыми золотыми пуговицами, а у шеи старинною пряжкой, украшенною драгоценными камнями. Въ правой рукѣ—трость съ набалдашникомъ слоновой кости; при боку видѣтъ былъ только ефесъ плаги, въ древнемъ вкусѣ, обложенный серебряными блестками и драгоценными камнями; на верху ефеса змѣиная головка. На верху портрета, съ лѣвой стороны, гербъ: щитъ свѣтло-голубаго цвѣта, съ бѣлымъ на немъ знакомъ въ видѣ трехъ-составнаго якоря; вокругъ щита рѣзная, позолоченная рамка, а сверху корона; по сторонамъ рамки — двѣ пальмовыя вѣтви, а вокругъ герба—прописныя польскія буквы: H. T. D. K. G. P. K., означающія, какъ полагаютъ: Hruszkiewicz Theodor Domaszewski, Komornik Granic Powiatu Krzemienieckiego (его званіе и должность). Съ правой стороны—портретъ супруги *Теодора Домашевскаго Евы*, во весь ростъ, лѣтъ 50, въ старинной одеждѣ вышитыхъ особъ женскаго пола. Голова и шея покрыты бѣлымъ покрываломъ, опущеннымъ на плечи; на головѣ, сверхъ покрывала, голубая шапка съ собольею опушкой. На бѣломъ платѣ голубой корсетъ, застегнутый золотыми шнурками, а верхнее платье въ родѣ женской собольей пубы, изъ бархата зеленаго цвѣта; въ лѣвой рукѣ четки. На верху гербъ такой-же, какъ и *Домашевскаго*, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ щитѣ одинъ знакъ въ видѣ якоря, а другой на глобусѣ съ крестикомъ. Вокругъ герба буквы: B. E. D. K. G. P. K., означающія, какъ полагаютъ: Bogobojna (богобоязная, благочестивая) Ewa Domaszewska, Komornikowa Granic Powiatu Krzemienieckiego. Въ срединѣ между обоими портретами—видѣ церкви, которую супруги держатъ снизу ся, мужъ—лѣвою, а жена—правою руками своими. Церковь въ основаніи—изъ дикаго камня, а выше—изъ кирпича; архитектуры византійской; главный куполъ восьмигранный, а другіе два меньшіе—круглые. Подъ изображеніемъ церкви столъ, покрытый красною пеленою и на немъ круглая шапка съ собольею опушкой, двѣ книги и четки. Между мужемъ и женою изображены дѣти ихъ, сынъ и дочь, не старѣе 10 лѣтъ, въ длинныхъ одеждахъ, на колѣняхъ, молящіеся со сложенными руками. На полу—круглая шапочка мальчика, съ бѣлою

опушкой, а на шеѣ дочери цѣпочка изъ жемчуга и на головѣ вѣнчикъ изъ драгоценныхъ камней. Подъ картиной надпись «Fundatorowie starej cerkwi w Poczajowie w. w. (wielmożni) Teodor i Ewa Domaszewscy, komornikowstwo granicy krzem. p. R. 1649». Картина эта, существовавшая болѣе 200 лѣтъ въ почаевской обители, составляла подлинно драгоценную историческую рѣдкость, но примѣтно пришла въ ветхость и, къ крайнему моему удивленію и сожалѣнію, хранилась небрежно, въ кладовой разнаго хлама, за перегородкой ¹⁾! То-же самое слѣдуетъ сказать и о портретѣ *Николая Потоцкаго*, такой-же исторической рѣдкости. Эти драгоценные вещественные памятники юго-западной русской старины заслуживали-бы въ 1855 г., уже 24 года послѣ отобранія монастыря отъ базилиановъ, болѣе уваженія и тщательнаго храненія въ болѣе приличномъ мѣстѣ, нежели въ кладовой. Напрасно искалъ я въ „Сказаніи“, гдѣ они хранятся теперь, и нигдѣ не нашелъ указанія на то, что меня не мало удивило. Жаль, что въ Почаевской Лаврѣ нѣтъ, подобно тому, какъ въ Лаврѣ препод. Сергія, ни музея рѣдкостей, картинъ, портретовъ и т. п., ни собственной фотографіи, для изображенія ихъ и живописныхъ видовъ Лавры и ея окрестностей. Расходы на учрежденіе и содержаніе музея и фотографіи окупались-бы доходами отъ покупки произведеній послѣдней богомольцами, которые, какъ извѣстно, очень дорожатъ такими воспоминаніями посѣщенныхъ ими св. мѣстъ и ихъ святыхъ.

И библіотеку лаврскую также я нашелъ въ 1855 г. въ несовсѣмъ приличныхъ ей помѣщеніи и устройствѣ, хотя въ ней было много рѣдкихъ старинныхъ рукописей и книгъ. Въ „Сказаніи“ (1878 г. стр. 280) о библіотекѣ сказано только, что при архимандритѣ Агафангелѣ (1866—1876) она изъ года въ годъ постоянно пріобрѣтала „разныя новѣйшія изданія духовнаго содержанія“, но нѣтъ свѣдѣній о ея устройствѣ. Въ ней-то, по моему мнѣнію, и слѣдовало бы хранить означенные портреты кардинала *Нисидора*, *Николая* и *Домашевскаго*, и другіе вещественные памятники лаврской старины.

¹⁾ Въ „Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ“, стр. 20—22, въ концѣ выписки сказано, что «все нужное къ возобновленію картины сдѣлано», но гдѣ она хранится—не упомянуто. По моему мнѣнію, ей приличнѣйшее мѣсто въ лаврской библіотекѣ, какъ и портрету *Николая Потоцкаго*. —

Изъ библіотеки я получалъ, какъ сказалъ выше, для ознакомленія моего съ исторіею обители, 3 старинныя книги и 1 рукопись, именно: 1) „Новое небо съ новыми звѣздами“, сочиненіе ректора кіево-братскаго училища, іеромонаха *Іоанникія Галитовскаго*, напечатанное въ 1655 г. во Львовѣ, 2) „Гора Почаевская“, книга, перепечатанная въ 1772 г. базилианами изъ другой, древней, и 3) одно печатное и 4) одно рукописное „житіе преподобнаго Іова“.— Изъ нихъ то я и узналъ слѣдующее, приводимое мною здѣсь вкратцѣ, объ исторіи почаевской обители.

Начало обители относится къ глубокой древности—къ первымъ временамъ христіанства въ древней Руси, хотя въ исторіи нѣтъ на это прямыхъ доказательствъ. Но нѣкоторыя данныя указываютъ на существованіе почаевской обители едва-ли не ранѣе всѣхъ другихъ на Волынѣ и даже въ Кіевѣ.¹⁾ Съ тѣхъ поръ она существовала до 1240 г., когда на почаевской горѣ произошло чудо явленія Божіей Матери, оставившей на скалѣ слѣдъ стопы своей, наполненный ключевою водою.²⁾ Въ 1241 г. обитель подверглась разоренію Батты, но, по удаленіи его, была восстановлена и продолжала существовать, распространяться и украшаться. Сначала, въ старину, монахи жили въ пещерахъ почаевской горы, а потомъ построили у подножія ея деревянную и позже, вмѣсто ея, каменную церковь Успенія Божіей Матери, на свои средства и на пожертвованія, и до половины XVI вѣка владѣли только ею, источникомъ въ столѣ Божіей Матери на скалѣ и пещерами. Въ 1559 г. владѣтельница помѣстья Орля, вдова *Анна Гойская*, урожденная *Кутинская*, получивъ въ даръ отъ греческаго митрополита *Неофита* привезенную имъ изъ Константинополя икону Божіей Матери, хранила ее у себя въ домѣ до 1597 г. Но въ этомъ году, вслѣдствіе многихъ чудесныхъ исцѣленій отъ этой иконы, она была перенесена въ каменную успенскую церковь на почаевской горѣ, и прославилась своими чудесами (они изложены въ книгѣ „Гора почаевская“). Пятьдесятъ два года спустя, въ 1649 г. *Феодоръ и Іова Доманевскіе* соорудили на почаевской горѣ, выше успенской церкви, другую, новую, каменную же, но гораздо большую, во имя св. Троицы,

¹⁾ «Сказаніе» стр. 10—14.

²⁾ Тамъ же.

богато украсили ее и щедро надѣлили деньгами. Въ концѣ 1-й и въ началѣ 2-й половины XVII вѣка были и другіе православные ревнители и благотворители почаевской обители, изъ князей и дворянъ края, какъ-то: князья *Мальнскіе, Пузины, Сташкевичи, Куликовскіе, Ушковскіе, Долнискіе, Жабокритскіе, Ясногорскіе* и др. На вклады ихъ были построены въ обители, въ это время, еще 6 меньшихъ церквей, примыкавшихъ съ обѣихъ сторонъ къ троицкой, именно: преображенская, благовѣщенская, воскресенская, св. великомученика Осодора, побѣды Божіей Матери (надъ татарами) и николаевская. Къ наилучшему поддержанію почаевской обители и православія въ ней много содѣйствовалъ св. препод. *Иовъ*, 50 лѣтъ (1601—1651) бывшій игуменомъ ея. Онъ родился въ концѣ 1-й половины XVI вѣка, въ галичской землѣ, въ предѣлахъ покутскихъ, и въ мірѣ носилъ имя *Іоанна*, по прозванію *Желто*. На 12 году отъ рожденія онъ былъ постриженъ въ монашество въ уторницкомъ преображенскомъ монастырѣ, а по принятіи священства и скорѣ послѣ того схимы, столько прославился святою жизнію, что знаменитый князь *Константинъ Острожскій* упросилъ его принять игуменство крестовоздвиженскаго монастыря въ г. Дубно. По 20-лѣтнемъ управленіи имъ, преп. *Иовъ*, въ схимѣ *Іоаннъ*, возвратился въ почаевскую обитель, былъ избранъ въ игумены ея и управлялъ ею, какъ сказано, 50 лѣтъ, до смерти своей 28 октября 1651 г., сто лѣтъ отъ роду. А 8 лѣтъ спустя, 28 октября 1659 г., пелѣнные мощи его были торжественно открыты кіевскимъ митрополитомъ *Діонисіемъ Балабаномъ*. Со времени основанія почаевского общезнаменнаго монастыря *Анною Гойскою* въ 1597 г. и до порабощенія его уніатами въ 1720 г., капиталы его, обеспеченные недвижимыми имѣніями, постепенно умножались и наконецъ значительно возрасли, и сверхъ того монастырь владѣлъ 7 селеніями и земельными и иными угодіями.

Со времени смерти препод. *Иова*, въ схимѣ *Іоанна*, послѣдовательно было 18 православныхъ игуменовъ почаевского монастыря и послѣднимъ въ 1718—1720 г. былъ *Гедонъ Лемитскій*. Но уже при 12-мъ игуменѣ, *Инокентіи Яселинскомъ*, избранномъ въ 1693 г., въ монастырѣ начались раздоры, смуты и беспорядки, постепенно увеличивавшіеся со времени брестской уніи 1596 года и борьбы православныхъ съ уніатами и католиками, которые ла-

конецъ одолѣли, такъ что въ 1720 г. униаты-базиліане уже окончательно завладѣли монастыремъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи слѣдующихъ 111 лѣтъ до 2 октября 1831 г., времени отобранія монастыря отъ униатовъ и обращенія его снова въ православный, онъ, нося названіе „униатскаго-базиліанскаго“, сталъ постепенно болѣе и болѣе превращаться почти въ настоящій польско-католическій. А игумены и монахи его, до 1720 г. еще именовавшие себя въ тяжебныхъ дѣлахъ „zakonnicy monasteru ruczajowskiego swiętego Bazylego Wielkiego ritus graeci“ или „nie w unii zostajęcy“, съ 1720 г. уже отбросили послѣднія шесть словъ и стали просто именоваться базиліанами, какъ бы уже принадлежа къ католическимъ монашескимъ орденамъ.

Исторія этихъ 111 лѣтъ пребыванія почаевского монастыря во власти базиліанъ до крайности прискорбна и я не стану говорить о ней, а коснусь только времянь благодѣтельствованія ему *Николая Потоцкаго* и участія монастыря въ польскомъ возстаніи 1830—31 г.

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ бельскаго (въ Галиціи) воеводы *Стефана Потоцкаго*¹⁾, былъ первоначально римско-католическаго исповѣданія, а въ послѣдствіи перешелъ изъ него въ унию, вознамѣрясь сдѣлать большія денежныя пожертвованія почаевскому монастырю, по слѣдующему случаю. Однажды, ѣдучи въ коляскѣ по ровной дорогѣ въ виду почаевского монастыря, онъ былъ опрокинутъ кучеромъ, наѣхавшимъ на большой камень. Лошади съ коляской ужались, а унавіе *Потоцкій* и кучеръ остались на мѣстѣ. Возбѣшенный *Потоцкій* выхватилъ изъ-за

¹⁾ Въ книгѣ «Новое небо», въ предисловіи, говорится, что предки *Потоцкихъ* по женьской линіи происходили отъ рода молдавскихъ господарей *Моисъ* (которые были православными), а *Николай Потоцкій* писался «Potocki na Złotym Potoku», т. е. что родъ его происходилъ отъ *Потоцкихъ*, которымъ принадлежали имѣнія «Золотой Потокъ» и другое близъ него «Горній Потокъ» (имѣя въ Царствѣ Польскомъ, люблинской губерніи, близъ Тарногорода, въ 12 верстахъ отъ границы Галиціи). Такъ какъ тѣмъ было повсемѣстно православіе, то и предки *Николая Потоцкаго* были безъ сомнѣнія православные. И такъ вотъ происхожденіе тѣхъ *Потоцкихъ*, которые теперь сами себя, какъ и поляки ихъ, считаютъ «родовитыми поляками»! Забѣлимъ при этомъ, что въ полтавской губерніи до сихъ поръ существуютъ православные дворяне *Потоцкіе*.

пояса пистолетъ, приставилъ его къ груди кучера и съ словами: „умри, злодѣй!“ спустилъ курокъ, но пистолетъ осѣкся въ то самое время, какъ кучерь, обратясь къ монастырю, воскликнулъ: „Матерь Божія! спаси меня!“ И такъ было до трехъ разъ. Пораженный этимъ, *Потоцкій* простилъ кучера, и по усмиреніи лошадей, не вѣлъ везти себя въ монастырь. Тамъ онъ излилъ свою душу въ молитвѣ предъ чудотворною почаевскою иконою Божіей Матери, и съ тѣхъ поръ (полагаютъ, что это случилось передъ 1760 г.) совершенно измѣнилъ свою жизнь и преданъ благочестию, горячей любви къ почаевской обители и рѣшимости ничего не жалѣть для ея благоуспѣха *). Изъ писемъ его, писанныхъ имъ изъ г. Бучача, въ Галиціи, мѣста пребыванія его, къ прото-архимандриту почаевского монастыря *Ипатію Вѣлинскому*, съ 1761 г. по 1772 г., видно, что главнымъ предметомъ заботъ его, *Потоцкаго*, было сооруженіе громаднѣхъ каменныхъ: соборной церкви и братскихъ корпусовъ, пожертвованіе на то значительныхъ денежныхъ капиталовъ (до 224,400 злотыхъ) и желаніе провести остатокъ жизни своей въ почаевскомъ монастырѣ, а по смерти быть погребеннымъ въ немъ.

Въ 1771 г. начата была постройка большого собора и братскихъ корпусовъ и продолжалась 12 лѣтъ—до 1782 г. При этомъ прежняя соборная троицкая церковь *Доминиканскія* была, къ крайнему сожалѣнію, разобрана, а по южную сторону, на краю горы, въ 1774 г. построена новая церковь во имя св. великомученицы Варвары, и въ 1776 г. полевая каменная церковь Рождества Богородицы. Обѣ эти церкви и большой соборъ были освящены въ 1780 г. Но еще прежде того, 8 сентября 1773 г., съ разрѣшенія папы Климента XIV, былъ торжественно совершенъ католическій обрядъ „коронованія чудотворной почаевской иконы Божіей Матери“. *Потоцкій* прожилъ еще 2 года послѣ освященія собора и двухъ церквей и имѣлъ утѣшеніе видѣть исполненіе заветнаго желанія своего. Онъ умеръ 12 апрѣля 1782 г. въ почаевскомъ

*) Имѣемъ полное основаніе утверждать, что онъ куралесилъ и долгое время потюль. Въ подобныхъ самодурахъ того времени легко увѣялись и вышнее благочестіе и внутренняя развращенность, и переходы отъ одного къ другой были не только быстры, но и очень часты. — *Ред.*

монастырь, въ которомъ жилъ, и по завѣщанію своему еще 1774-го года, былъ торжественно погребенъ, по уніатскому обряду, въ склепѣ, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ соборъ ¹⁾).

Въ дополненіе къ этому, приведу слышанное мною въ 1855 г. въ Лаврѣ преданіе, что въ теченіи времени съ 1760 г., обращенія *Потоцкаго* къ иной жизни, до 1780 г., освященія сооруженной имъ соборной церкви, онъ, живя по временамъ въ почаевскомъ монастырѣ, какъ благотворитель и почти полный хозяинъ его, находился въ совершенномъ согласіи съ братією монастыря. Но однажды, поссорившись съ ними изъ-за чего-то, онъ удался изъ монастыря въ находившееся верстахъ въ 8-ми на юго-западъ отъ него имѣніе свое (нынѣ въ Восточной Галиціи, на границѣ волынской губерніи), и построилъ тамъ, въ меньшемъ размѣрѣ, точное подобіе почаевского собора и при немъ базилианскій монастырь, въ которомъ и поселился. Вскорѣ однако, примирился съ почаевской братією, онъ воротился въ ихъ монастырь и продолжалъ попрежнему благотворительствовать ему. Такимъ образомъ, двѣ построенныя имъ и совершенно схожія между собою церкви, стоятъ теперь одна въ виду другой, одна въ большемъ размѣрѣ—на почаевской горѣ, въ юлынской губерніи, а другая въ меньшемъ размѣрѣ—на границѣ Галиціи, и послѣдняя ясно видна простымъ глазомъ съ площади передъ южнымъ входомъ въ почаевскій соборъ. Когда же въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, какъ говорили мнѣ въ Лаврѣ, весь южный фасадъ собора, снизу до верху, и весь куполь собора освѣщаются огнями, точно такъ-же освѣщается и противуположная уніатская церковь въ Галиціи, что должно представлять очень любопытное зрѣлище. Въ „Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ“ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній о приведенномъ мною здѣсь преданіи и потому не знаю, на сколько оно достоверно.

Касательно же участія почаевскихъ базилианъ въ польскомъ мятежѣ 1830—31 г. я не слыхалъ ничего въ Лаврѣ въ 1855 г.,

¹⁾ Въ „Сказаніи“ сказано, что «до 1831 г. прахъ *Потоцкаго* находился въ этомъ склепѣ» по ничего не сказано, гдѣ находятся съ тѣхъ поръ. Въ томъ-же „Сказаніи“ изложено всѣ подробности, касающіяся *Николая Потоцкаго*, его построекъ и пожертвованій для почаевского монастыря и всѣхъ событій въ этомъ послѣднемъ—съ 1760 г. до смерти *Потоцкаго* въ 1782 г. Подробности эти еще не были извѣстны мнѣ въ 1855 г.

но въ „Сказаніи“ 1878-го года нашелъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Осенью 1823 г. императоръ Александръ I, пробѣдомъ изъ-за границы, ночевалъ въ г. Острогѣ и на слѣдующее утро слушалъ обѣдню въ единственной, бѣдной, деревянной, городской, приходской пятницкой церкви. Обѣдню совершалъ волынской епископъ *Стефанъ*, который послѣ того передавъ находившемуся въ свитѣ Государя генераль-адыютанту барону *Дибичу* все, что долѣ, въ томъ же 1823 г., мы, епископомъ *Стефаномъ*, было предоставлено св. синоду, *объ обращеніи почаевскаго монастыря въ православіе*. Докладъ синода о томъ былъ представленъ Государю тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ *Александромъ Николаевичемъ Голлицынымъ*. А 2-го августа 1823 г. княземъ *Голлицынымъ* сообщено было митрополиту греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, *Іосифу Булаку*, что „Государю не угодно было изъяснить свое согласіе на представленіе синода, по тому уваженію, что въ почаевскомъ монастырѣ находилось значительное общество монаховъ базилианскаго ордена и содержались учебныя заведенія“. Базилиане возликовали, возлагая надежды свои на князя *А. Н. Голлицына*, который, будучи оберъ-прокуроромъ синода, оказался такимъ образомъ „ревнителемъ униі болѣе, нежели православія“. Баронъ *Дибичъ* обѣщалъ епископу *Стефану* вновь довести просьбу его до свѣдѣнія Государя, и если онъ исполнилъ это (говорится въ „Сказаніи“), то можетъ быть съ того времени въ Петербургѣ снова стали думать о возвращеніи почаевского монастыря въ православіе. Но этому суждено было совершиться не при императорѣ Александрѣ I, а при преемникѣ его императорѣ Николаѣ I, и поводъ къ тому подали сами почаевскіе базилиане. Во время польскаго возстанія въ 1830—31 г., они всѣ явно приняли сторону мятежниковъ, помогали имъ деньгами, издавали прокламаціи съ воззваніемъ къ общему возстанію въ краѣ, и когда польскій генералъ *Десригнскій*, разбитый въ апрѣлѣ 1831 г. генераломъ *Ридигеромъ* при м. Боремлѣ, въ 45 верстахъ отъ Почаева, проходилъ чрезъ это мѣстечко въ Австрію, базилиане встрѣтили его съ радостью и торжествомъ, щедро угощали его, снабдили деньгами и многіе изъ нихъ ушли за нимъ вооруженными. Но кара Божія и государственная постигла наконецъ измѣнниковъ Богу, Государю и отечеству: по совершенномъ подавленіи польскаго мятежа въ сентябрѣ

1831 г., Николай I повелѣлъ: почаевскій базилианскій монастырь, со всею его церковною принадлежностью, недвижимымъ имѣніемъ и капиталами, передать въ вѣдомство православнаго духовенства, обращая доходы монастыря на его содержаніе, монаховъ же базилианскаго ордена, какъ находившихся въ монастырѣ, такъ и содержавшихся въ кievской крѣпости, размѣстить въ другіе униатскіе монастыри и сверхъ того принять всѣ нужныя мѣры для передачи монастыря и его имущества на законномъ основаніи въ вѣдѣніе православнаго духовенства, и пр. Все это было начато приведеніемъ въ исполненіе уже въ октябрѣ 1831 г., подѣ ближайшимъ наблюденіемъ волынскаго и житомирскаго епископа *Амвросія*, который и оставался на своей кафедрѣ и священно-архимандритомъ почаевскаго монастыря до перевода его 1-го февраля 1832 г. на нижегородскую епархію и до назначенія на его мѣсто курскаго епископа *Николая* (1832—1840). Затѣмъ преемниками послѣдняго были послѣдовательно преосвященные: *Никаноръ* (1840—1848), *Арсеній* (1849—1860), *Антоній* (1860—1866), *Афанасій* (1866—1876) и возвращенный нинѣ въ Одессу *Димитрій* (1876—1882). Всѣ они значительно разпирили, украсили, благоустроили и упрочили Почаевскую Успенскую Лавру¹⁾, которая, вслѣдствіе того, достойно занимаетъ свое четвертое мѣсто въ ряду другихъ—кievо-печерской, троцко-сергіевской и александрo-пeвской.

Кн. Н. С. Голицынъ.

¹⁾ «Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ». Почаевъ 1878 г.